

ТАМ. ГДЕ ТВОЙ ПОКОЙ

— ЯН КЕННИНГ —

Ян Кённоинг

Там, где твой покой

«Автор»

2026

Кённый Я.

Там, где твой покой / Я. Кённый — «Автор», 2026

Война искалечила его тело. Предательство — душу. Любовь заставила снова взяться за оружие. Когда возлюбленная исчезла, бывший разведчик Виктор Надёжный понял: он снова в тылу врага. Но теперь его враги носят дорогие костюмы и живут по своим законам. Он пойдёт до конца. Даже если это сломает его окончательно.

© Кённый Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рыщущее чудовище	5
Единственный путь	7
Необратимость последствий	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Там, где твой покой

Рыщущее чудовище

Приятный тёплый летний день не предвещал ничего плохого. На травяном берегу возле речки весело и шумно отдыхала молодёжь. Подростки беззаботно наслаждались днями своей молодости.

— Ромка, ну включи погромче, чего как на похоронах сидим! — крикнула девушка в ярком купальнике, размахивая начатой бутылкой пива.

— Сейчас будет тебе погромче, — отозвался парень, сидящий в машине с открытой настежь дверью, и вывернул звук так, что затрещал динамик.

Кто-то залихватски пил алкоголь, кто-то пританцовывал под ритмичную музыку, доносящуюся из колонок одной из машин, а кто-то и вовсе сливался в жарких объятиях и поцелуях в тени раскидистой ивы. Мангал неторопливо дымил, донося приятный запах жарящегося мяса с ароматными нотками маринада. Один из парней, повязав на пояс полотенце вместо фартука, важно расхаживал у мангала, изображая шеф-повара.

— Костян, переверни, подгорает же! — крикнул кто-то.

— Не дрейфь, всё под контролем — отмахнулся Костян.

Тихий берег расположился у самой кромки хвойного леса. Высокие сосны, словно непроницаемая стена, отделяли это живописное место от остальной цивилизации. Казалось, это природное ограждение не способно выпустить из себя что-либо, кроме комаров и запаха хвои.

Никто из ребят не обратил внимания на человека, который вышел из леса и направился к ним. Они настолько были увлечены собой и друг другом, что некоторые даже вздрогнули от неожиданности, когда странный мужчина вошёл в их расположение. В этот момент музыка на секунду показалась неуместно громкой, будто сама природа замолкла, готовясь к тому, что вот-вот произойдёт.

Взгляды ребят были прикованы к незваному гостю и внимательно изучали его. Странник был облачён в летние армейские китель и штаны, зелёной камуфляжной расцветки. На ногах чёрные армейские ботинки с высоким берцем. Лицо скрывала тёмно-зелёная балаклава, из прорези которой смотрели два спокойных, ничем не выдающих намерений глаза.

— Ты кто, дядя? Чего забыл? — Бросил незнакомцу один из подростков, тот самый, что до этого изображал шеф-повара, — решивший козырнуть своей смелостью перед товарищами.

— Иди своей дорогой, подобра-поздорову. Здесь люди отдыхают! Найди себе другое место! — Одна из девушек решила поддержать парня.

Мужчина не ответил. Молчание длилось всего пару секунд. Но и этого хватило, чтобы беспечное веселье вокруг мангала будто выключили одним щелчком.

Парни начали вставать со своих мест, неуверенно подходить к мужчине, чтобы показать серьёзность своих намерений прогнать его. Незнакомец молча поднял бутылку пива с земли и демонстративно медленно поднёс её к мангалу и стал заливать угли.

Раздалось шипение, похожее на змеиное, и в воздух поднялся кислый пивной пар впере-мешку с дымом.

— Ты чего творишь? — Один из парней, набравшийся смелости от такой наглости, подскочил к мужчине и толкнул его в грудь.

Мужчина едва отшатнулся, выронил бутылку, но удержался, чтобы не сделать шаг назад. Взрывным движением левой руки он схватил молодого человека за горло, а правую руку занёс себе за спину. Через мгновение в его руке показалась отвёртка. Вернее, то, что когда-то было отвёрткой, а сейчас это было подобие острого трёхгранного стилета. Мужчина размашистым

движением вонзил отвёртку в левое ухо парнишке и отпустил его. Парнишка, шатаясь, не в силах удержаться на ногах, упал лицом на землю.

Секунда тишины. Потом шокированная молодёжь подняла гул. Девушки истошно закричали, парни начали пятиться, сталкиваясь друг с другом. Вся их напускная смелость в мгновение улетучилась — будто её и не было.

— Влада, снимай, снимай его, потом в полицию отдадим! — крикнул кто-то срывающимся голосом.

Одна из девушек, та, что стояла ближе всех, судорожно достала смартфон и принялась снимать чужака трясущимися руками. Кто-то попытался спешно звонить в службу спасения, путаясь в цифрах от паники. Чужак поднял бутылку и метнул её в девушку, ведущую видеосъёмку. Бутылка на большой скорости полетела опасно близко к лицу. Влада от ужаса выронила смартфон — тот упал экраном вниз в примятую траву, продолжая запись пустого неба, — и бросилась наутёк в сторону леса. Остальные ребята так же уже разбегались врассыпную кто куда.

Уже через пару минут на месте отдыха остался лишь убийца и лежащий на земле мёртвый парень с отвёрткой в ухе. Музыка продолжала играть — какая-то беспечная летняя песня из плейлиста, — но веселиться и наслаждаться приятным летним днём было уже некому.

Единственный путь

Не знаю кто придумал побеждать насилие ответным насилием. Всякие войны, даже если это войны столетние, заканчиваются одинаково — переговорами и миром. Для меня давно стоит вопрос, а стоит ли создавать горы покойников, вдов, сирот, калек, пускать прахом по ветру труд десятков предшествующих поколений, чтобы потом всё равно сесть и договориться?

Может, эту нецивилизационную часть совсем исключить? Ради какой высшей цели жизнь должна прерываться пулей или осколком?

С раннего детства я читал Библию, и позиция Бога по вопросу насилия всегда была однозначна: «Господь испытывает праведного, а нечестивого и любящего насилие ненавидит душа Его» (Псалом 10:5). Что характерно, каждая воюющая сторона в современных войнах твёрдо убеждена, что с ними Бог. Именно на их стороне. Но суровая правда тихо шептала, что и те и другие одинаково отвратительны для Него.

Что до меня, я солидарен с Богом в отношении насилия и конфликтов. Я всячески старался избегать их в своей жизни. Однако, обстоятельства оказались сильнее меня. И вот я уже в чужой стране с оружием в руках который год подряд пытался нецивилизованным насильственным способом принести мир в свою страну и нивелировать конфликт. Сам себя ненавидя за это лицемерие и предательство своих принципов.

Меня зовут Виктор Надёжный. Да уж, наградил меня папенька такой вот фамилией. Теперь всю жизнь приходится ей соответствовать. Попав в армию, меня моментально окрестили Надей, исковеркав фамилию. Уважение здесь нужно было заслужить. Надёжным предстояло стать, а не только называться.

По первости такое прозвище звучало как издёвка. "Надя, в караул". "Надя, не отставай". Я сжимал зубы от злости, но молчал, зная, что пререкаться бессмысленно — это лишь раззадорит товарищей. Уважение необходимо было заслужить делом.

Заслуживать пришлось долго. Через полгода, когда наша группа попала под миномётный обстрел на марше и один из парней, совсем ещё зелёный, застыл на открытом месте, не в силах сдвинуться от страха. Я уволок его за шкуру в укрытие за мгновение до следующего прилёта. Прозвище, конечно же, не изменилось в тот же день. Но некоторые парни стали здороваться со мной заметно уважительнее.

Через год, когда Лёха "Хмурый" словил осколок в ногу при зачистке окраин. Я волок его на себе почти километр. Своих бросать нельзя, даже если это будет стоить тебе сорванной спины. По прошествии ещё нескольких месяцев Николай, деливший со мной последний сухпаёк перед долгим маршем, впервые, обращаясь ко мне, сказал не "Надя", а "Надёга". С той самой интонацией, с какой обращаются к лучшим друзьям.

К третьему году от прежнего прозвища уже не осталось и следа. Теперь меня окликали либо по фамилии, либо просто "Надёга", в этом не было издёвки --- было ровно то, что и должно быть в этом слове: уверенность, что этот человек не подведёт, не бросит, вытащит, если понадобится. Фамилия наконец обрела смысл и стала моим маркером.

Хмурый молча кивнул мне на часы и показал растопыренную пятерню — пять минут — и вернулся к своей разгрузке. Слова были не нужны: за три года мы научились понимать друг друга по языку жестов. Я торопливо доедал сухпаёк прямо из вскрытого пакета, механически двигая челюстями, не особо разбирая вкус.

Николай, не оборачиваясь, вскинул автомат на плечо и вполголоса произнёс нашу привычную присказку:

--- Ну что, братцы. Пошли работать.

Он говорил это перед каждым выходом. Без всякой торжественности, буднично, как произносят "готовы" или "выдвигаемся". Но за три года эта фраза стала значить больше, чем должна была бы значить простая команда.

Под покровом сумерек наша мобильная разведгруппа осторожно пробиралась через лесополосу. Маскировочные плащи и вырвавшиеся из земли деревья маскировали наше присутствие и наши намерения. Где-то, уже совсем недалеко, таились лабиринты фронтовых траншей с неприятелем. Засевшие там и крепко окопавшиеся, они вели миномётный обстрел по нашим ребятам, сдерживая их продвижение вглубь вражеской территории. Траншеи тоже были

вырыты на территории лесополосы. Возвышающиеся деревья надёжно маскировали артиллеристов, которые постоянно перемещались.

Наша группа сделала большой крюк и теперь ползком подбиралась к противнику с фланга, чтобы незаметно зайти к ним за спину и оперативно устранить. Мы двигались очень медленно, чтобы операторы через парящих в небе дронов-наблюдателей не могли засечь движение к позиции своих бойцов. Земля была влажной и пахла прелой листвой.

Периодический свист миномётных выстрелов с каждой минутой становился всё отчётливее, разрывая тишину. Мозг отказывался привыкать к этому звуку. И при каждом выстреле мины, я едва заметно вздрагивал. С каждым мигом мы были всё ближе к цели. С каждым метром страх лишь усиливался. Сердце колотилось всё сильнее, адреналин обострял чувства и помогал быть внимательнее. Смерть неизбежна. Мы её боимся и осторожничаем, не даём воли чувствам. Куда ни кинь, всюду клин: ведь жизнь — это страсть. Не буду лукавить, жить очень хотелось. Мне было ради чего и ради кого возвращаться домой. Там, вдали от этого поля боя, испещрённого воронками и траншеями, в маленькой кухне с нежно-голубыми обоями меня ждала Маринка. Она, наверное, сейчас пила чай с малиновым вареньем и даже не знала, что я ползу по вязкой грязи навстречу врагу. Я обязательно вернусь к ней живой и здоровый, и мы непременно сыграем свадьбу и будем жить долгие десятилетия вместе, разумом и сердцами в унисон. У нас родятся прекрасные дети. Такие же смышлёные как я, и такие же симпатичные как Марина. Ради этого стоит напрячься, чтобы и боевую задачу выполнить, и себя сохранить.

Впереди нас троих поджидали полтора-два десятка злобных мужиков. Мне представилось, как я запрыгиваю в траншею, и я вижу десятки наставленных на меня стволов. У нашего безумного плана было одно достоинство — они наверняка были уверены, что никто в здравом уме не решится на столь вопиюще идиотский поступок. Воинская доблесть заключается в том, что, когда тебе отдают приказ, в ходе которого с большой вероятностью можешь погибнуть, ты находишь в себе силы смотреть страху в лицо. И, преодолев себя, выполнить задачу.

— Парни, три минуты, — одними губами проговорил Николай, показав три пальца. — По моей команде.

Я кивнул, чувствуя, как во рту пересохло, будто я наглотался печенья. Хмурый рядом перекрестился — быстро, привычно, как делают это те, кто вырос в семье, где иконы стояли в каждой комнате.

Приближались к траншеям. Разделились, чтобы зайти с трёх сторон, оставаясь в зоне видимости друг друга. Нашим единственным преимуществом оставался лишь эффект внезапности. Стремительная атака, пан или пропал. Достали наступательные гранаты РГН и по сигналу метнули их в стороны, откуда только что доносились миномётные залпы. Жестокая прелесть этой игрушки заключается в том, что она детонирует при ударе, не давая шанса уйти из радиуса поражения или, на худой конец, самопожертвенно закрыть её своим телом, чтобы уберечь товарищей. Раздалось три синхронных громких взрыва, истошные крики боли и ужаса устремились ввысь со дна траншей, уходя в самое небо и раздирая его звёздную гладь. Пошла жара. Мы поднялись с земли и запрыгнули в траншею с грацией горных козлов, чтобы добить выживших и встречать автоматным огнём тех, кто прибежит на звуки взрывов.

Прервав миномётные залпы, мы тем самым дали сигнал к выдвижению основных сил. Теперь нужно было удержать этот плацдарм до их прихода и не дать возможность противнику возобновить бомбёжку. Поэтому нужно было двигаться и зачищать лабиринты траншей от неприятеля, который мог скрываться за любым углом. Я шёл по следам признаков жизни — и, находя, ликвидировал их.

Моя голова гудела от напряжения, будто на неё одели кастрюлю и ударили по ней кувалдой. Всё вокруг стало как будто заторможенным. Нужно было собраться, сосредоточиться. Одна ошибка и я не смогу увидеть свою Маринку. К поворотам приближался осторожно, ползком. Потому что на месте противника я бы сидел и выцеливал точку на уровне головы. А так я

мог выглянуть из-за угла на уровне земли и быстро оценить ситуацию, не попав под автоматную очередь. Если ты думаешь, что тебе ничто не грозит, это просто самообман. В лучшем случае ты просто умер.

За одним из углов траншеи меня поджидали трое боевиков, сидящих с оружием наизготовку. Они нервно переговаривались между собой на повышенных тонах — кто-то из них явно требовал от других двигаться дальше, а те огрызались в ответ, — и не заметили на секунду выглянувшего меня. Я поднялся, сел на левое колено, вскинул автомат и, резко высунувшись за угол в пол оборота, дал три коротких очереди по противникам. Резко отпрянул назад. Жив. Сердце бешено колотилось, переполняемое радостью. Нужно было удостовериться, что цели поражены. Вновь сделал резкий выпад и дал пару очередей по лежащим телам. Замер, взял длину траншеи на прицел в ожидании малейшего движения. Через пару минут нужно будет продолжить движение.

Я заигрывал с противником. Зашёл слишком далеко. Внезапно что-то мелькнуло в воздухе. Миг на осознание — как в мультфильме, где герой, прежде чем рухнуть с высоты, висит в воздухе. В моей голове словно молния промелькнула пугающая мысль «граната». Я рванул с места в противоположную сторону, стараясь как можно скорее покинуть радиус предполагаемого поражения. Взрыв раздался где-то позади меня. Мне вновь повезло.

Я был подстрелен больше раз, чем мог вспомнить, но этот раз казался иным. Может, это был знак? Может моей удаче суждено было подойти к концу? А может, у меня была перебита артерия и я истекал кровью, прямо как те идиоты, что поймали свою пулю играясь с оружием. Как бы то ни было, я быстро терял силы.

Никого. Но, конечно, долго такое затишье продлиться не могло. Дурное предчувствие преследовало меня постоянно. Наш день начался с валяния в грязи, и продолжался только хуже. Моя удача вела себя вполне предсказуемо. Хотя, скорее, предсказуемо вел себя я. И вот впереди уже показалось едва заметное движение. Мой автомат выдал короткую очередь, которая пробила высунувшуюся голову врага. Там мог быть ещё кто-то. Нужно было немного подождать. Однако я терял кровь, и чтобы не стать трупом, мне стоило побыстрее убраться с поля. Нужно было срочно остановить кровь, иначе я просто потеряю сознание и истеку кровью.

Пара минут тишины. Никто не появился. Я поднялся, сел, упёршись на левое колено. Держа одной рукой автомат, жёстко уперев приклад в плечо, левой рукой расстегнул ремень. Автомат пришлось отложить. Стараясь действовать крайне быстро, я крепко затянул ремень над коленом. Дополнительные отверстия в ремне, которые по совету бывалых товарищей я сделал ещё в прошлом году, сейчас спасали мне жизнь. Благодаря ним я мог затягивать ремень не только на поясе, но и на конечностях.

Наложив жгут, я занял оборонительную позицию. Чувствовалась слабость и с каждой секундой автомат становился всё тяжелее. К счастью, уже вскоре подоспел один из парней моей группы, Николай.

— Надёга, ты как, в порядке? Карандаши ещё есть?

— Более-менее. Мечтаю поскорее свалить из этой дыры. Пара рожков ещё есть.

— Держись, браток! — товарищ похлопал меня по плечу и двинулся вперёд, крикнув куда-то в темноту траншеи: — Хмурый, зайди слева, у меня раненый, прикрой!

Издалека донеслось короткое, сдавленное «принял», и я выдохнул с глубоким облегчением.

Воодушевлённый приходом товарища, я воспрял. Однако слабость и усталость взяли верх над силой духа, и весь мир словно поплыл в тумане. Тело, спасая меня, предательски перешло в аварийный режим, и я отключился.

Очнулся уже в полевом лазарете. И лишь на пару мгновений. Я успел увидеть лицо хирурга. Его грустные глубокие глаза смотрели взглядом человека, который, казалось, живёт уже тысячи лет и видел слишком многое.

— Держим давление, — донёлся до меня чей-то голос, приглушённый, будто через толщу воды. — Готовьте вертолёт, этого и ещё двоих.

С той же неизбежностью, с какой пуля раздирает тело и кости жертвы, тот, кто нажал на спусковой крючок, разлетается на сотню осколков. Вот что я вижу, оглядываясь. Эти минуты, словно слепящий свет, — я погиб и ожил изменённым до мозга костей.

Пока я пребывал в плену Морфея, меня вместе с другими ранеными вертолётom доставили в городской госпиталь. Во сне я был невидимым призраком, витающим возле моего собственного тела.

Необратимость последствий

Осколки разорвавшейся гранаты повредили нервные окончания, травмировали кости и сухожилия. Предстояло длительное лечение и последующая реабилитация. Врачи не давали гарантий, что я смогу снова ходить.

Марина приехала навестить меня спустя два месяца. За это время я успел пройти две операции и уже передвигался на костылях в пределах палаты. Всё это время я очень ждал её приезда и не понимал, почему она не навестила меня сразу. Каждый раз, когда в коридоре раздавались шаги и женский голос, я невольно приподнимался на локтях, вглядываясь в дверной проём — и каждый раз это была не она: то санитарка с обедом, то жена соседа по палате, то практикантка с обходом. И вот теперь она стояла в дверях, мяла в руках ремешок сумки, не решаясь войти.

— Здравствуй, родная, — волнение от неудобства моего состояния переполняло меня.

Девушка вошла. Села на табурет, но не придвинулась к койке, оставила дистанцию. Летний сарафан и загар на её плечах контрастировали со скучным цветовым однообразием палаты. За окном было душно, август плавил асфальт. Но здесь, в палате, вдруг стало холодно.

— Прости, что не приезжала, — сказала она тихо. — Я не могла. Честно, не могла. Три раза собиралась и не доходила даже до вокзала.

Я молчал. Такое начало не предвещало ничего хорошего. В один момент внутри меня всё сжалось в твёрдый комок, словно крепкой бронёй обволакивая сердце, в ожидании сильного удара по нему. Где-то за стеной, в соседней палате, надрывно звал медсестру чей-то незнакомый голос. Дверь в коридор была приоткрыта, и все посторонние звуки просачивались внутрь беспрепятственно. И этот чужой, ничего не значащий для меня зов почему-то показался мне невыносимо оглушительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.